

Агапова Наталья Геннадьевна

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрываются вопросы, связанные с культурной спецификой ценностных и нормативных оснований и регулятивов в научной деятельности. Автор обращается к анализу соотношения опыта научной практики и философско-методологического рефлексивного его обеспечения. Особое внимание при этом уделяется выявлению общего философско-онтологического и культурологического содержания категории "парадигма" в ее применении к повседневной научной деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 17-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Бретаницкий С. В., Саламзаде А. В. Архитектура Советского Азербайджана. М., 1973. 262 с.
2. Гасанова А. А. Проблемы экологии городов Азербайджана. Баку: Элм, 2003. 339 с.
3. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 249. Оп. 3.
4. ГААР. Ф. 378. Оп. 2.
5. ГААР. Ф. 378. Оп. 3.
6. ГААР. Ф. 472. Оп. 1.
7. ГААР. Ф. 472. Оп. 2.
8. Нагиев Н. Г. Современное градостроительство Азербайджанской республики. Баку, 2011. 303 с.
9. Эфендизаде Р. М. Архитектура Советского Азербайджана. М.: Стойиздат, 1986. 318 с.

ARCHITECTURAL FEATURES OF THE RIVER KURA COASTAL CITIES DEVELOPMENT (AZERBAIJAN)

Samira Mirakhmed Abdullaeva
Department of Heraldry and Design
Institute of Architecture and Art
Azerbaijan National Academy of Sciences
memar_s@mail.ru

The author discusses the specific of the architecture formation of the Azerbaijan cities located within the coastal zones of the river Kura, analyzes the factors that influence the architectural-planning features of the cities under consideration, determines their current condition, and reveals further transformation aimed at creating architectural-planning and compositional connections with the river bed.

Key words and phrases: the river Kura; landscape; urban environment; transport nodal point; embankment; architecture; planning; composition.

УДК 130.2

Философские науки

В статье раскрываются вопросы, связанные с культурной спецификой ценностных и нормативных оснований и регулятивов в научной деятельности. Автор обращается к анализу соотношения опыта научной практики и философско-методологического рефлексивного его обеспечения. Особое внимание при этом уделяется выявлению общего философско-онтологического и культурологического содержания категории «парадигма» в ее применении к повседневной научной деятельности.

Ключевые слова и фразы: научная деятельность; методологические концепции науки; научная повседневность; парадигма; регулятивы и нормы научной деятельности; культурное содержание норм научной деятельности.

Наталья Геннадьевна Агапова, д. филос. н., доцент
Кафедра культурологии
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
n-agapova@mail.ru

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[©]

Исследование реальных повседневных практик организации и осуществления научной деятельности предполагает не только прямое феноменологическое описание, соотнесение и сопоставление применяемых в них форм и методов, но и постановку в новой плоскости вопросов, связанных с выявлением культурной специфики ценностной и нормативной регуляции активности субъектов, занимающихся наукой. В особенности речь может идти о переоценке соотношения, роли и значения, с одной стороны, обыденных верований, неосознаваемых установок и конкретных образцов, в том числе вырабатываемых и накапливаемых учеными в рамках собственного индивидуального опыта, и, с другой, – общих методологических принципов и методических правил и предписаний в организации как рутинной, так и творческой их работы.

Сегодня низкую оценку роли и значения общих методологических концепций и предписаний зачастую дают не только те, кто занимается конкретными научными исследованиями (если не принимать во внимание ритуальные реверансы в сторону той или иной методологии во введениях и авторефератах к диссертациям), но и сами философы, профессионально изучающие закономерности функционирования и развития самой научной деятельности. Так, автор методологической концепции «научно-исследовательских программ» И. Лакатос отмечал, что «в современной философии науки в ходу различные методологические концепции, но все они

сильно отличаются от того, что понимали под “методологией” в XVII веке и даже в XVIII веке. Тогда надеялись, что методология снабдит ученых сводом механических правил для решения проблем. Теперь эта надежда рухнула: современная методологическая концепция, или “логика открытия”, представляет собой просто ряд правил (может быть, даже не особенно связанных друг с другом) для *оценки* готовых, хорошо сформулированных теорий... Эмпирическая психология и социология научных открытий находятся, конечно, за пределами действий этих нормативных правил... Таким образом, *методология* отделилась от *эвристики*, подобно тому, как оценочные суждения отделились от суждений долженствования» [2, с. 458]. Похожие оценки действительной роли методологий в научных исследованиях применяются как к естественнонаучным, так и особенно к современным гуманитарным и культурологическим дискурсивным практикам. «Методология, — отмечает Е. Г. Соколов, — совокупность навыков и приемов, соблюдение которых приводит к определенному фиксированному результату вне зависимости от того, кто их применяет, — имманентна институту профессионализации как таковому. Достоинства и эффективность вроде очевидны. Совокупность достижений европейского человечества последних веков, распространившего свое влияние на весь мир, тому служит наглядным доказательством. Тем не менее, в нашей специальности — уверен, что со мной согласятся коллеги, — методологическая правильность сама по себе ничего не дает. Разумеется, существуют определенные методы написания научных работ (дипломов, диссертаций, статей, книг, выступлений на конференциях), однако неукоснительное следование им ничего не гарантируют и ни от чего не спасают... Нормативность и специфика удерживаются, прежде всего, “жанром”, “стилем”, дискурсом и стратегией, ну и, конечно же, результатом» [4, с. 11-12].

Вопрос, следовательно, в том, чем и как задаются эти «фоновые» ориентации: жанр, стиль, дискурс, стратегия и, как следствие, определенная гарантированность результатов. Один из возможных ответов вырисовывается в процессе анализа соотношения повседневного и обыденного, но при этом высокоспециализированного опыта, требующего практикоориентированных знаний о формах и приемах организации и осуществления научного исследования, и, собственно, методологического философского его обоснования и обеспечения. Понятие научной — и шире — культурной парадигмы позволяет, по нашему мнению, приблизиться к этому ответу.

В методологии науки с момента предложенного Т. Куном употребления данного термина применительно к процессам нормального функционирования научной деятельности и к смене ее оснований особое внимание уделяется повседневным научным практикам и их культурному оформлению в модельных образцах постановки и решения задач научного исследования. Глубинное же сущностное содержание общего понятия парадигмы в единстве с коннотативными ему понятиями позволяет обнаружить анализ его употребления в контексте философской традиции противопоставления мира идей, идеальных сущностей реальным объектам, процессам, явлениям. Так, в философском словаре, к примеру, раскрывается значение этого понятия, которое оно приобрело еще задолго до введения и широкого использования его в современной философии и методологии науки: «Парадигма (от греч. *paradigma* — пример, образец): 1) понятие, используемое в античной и средневековой философии для характеристики взаимоотношения духовного и реального миров... Платон усматривал в идеях реально существующие прообразы вещей, их идеальные образцы, обладающие подлинным существованием: демиург создает все существующее, взирая на неизменно сущее как на образец, или первообраз (Тимей 28а, 37сс1 и др.). Эта линия в трактовке идеи как парадигмы, образца, нашла свое продолжение в неоплатонизме; в ср.-век. философии она выразилась в учении о творении Богом мира по своему образу и подобию. В немецком классическом идеализме учение о парадигме разворачивается в плане анализа принципов внешнего и внутреннего единства различных формообразований, в учении о первообразе или прообразе системной организации всех тел. Согласно Шеллингу и Гегелю, принципы упорядочивания и целостной организации природных тел характеризует духовный, идеальный прообраз» [3, с. 643]. Необходимо выяснить, каким образом этот важный момент в понимании сущности парадигмы как образца, относящегося к миру идеальных форм и сущностей, в противоположность реальным «копиям», производимым на их основе реальных явлений, нашел свое отражение в современном применении понятия парадигмы в области методологии науки. Для ответа на этот вопрос обратимся ко второму из словарных значений, которое связано уже с употреблением термина «парадигма» в контексте современной философии и методологии науки, где содержание его трактуется как «теория (или модель постановки проблем), принятая в качестве образца решения исследовательских задач» [Там же]. «В философию науки, — читаем в философском словаре, — понятие парадигмы было введено позитивистом Г. Бергманом для характеристики нормативности методологии, однако широкое распространение приобрело после работ американского историка физики Куна. Стремясь построить теорию научных революций, Кун предложил систему понятий, среди которых важное место принадлежит понятию парадигмы, т.е. “...признанным всеми научным достижениям, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу” [1, с. 11]. Смена парадигмы представляет собой научную революцию. Трактовка Т. Куном понятия парадигмы вызвала дискуссию, в ходе которой отмечалась неоднозначность этого понятия (К. Поппер, И. Лакатос, М. Мастерман и др.). Неоднозначность понятия парадигмы, под которой у Т. Куна понимается и теория, признанная научным сообществом, и правила и стандарты научной практики, и стандартная система методов и т.п., потребовала от него пересмотра и конкретизации этого понятия, что было осуществлено в понятии “дисциплинарная матрица” и ее компонентов (символического обобщения, метафизической части парадигмы, ценности и, собственно, образцов решения исследовательских задач). Вместе с тем понятие парадигмы используется в теории и истории науки для характеристики формирования научной дисциплины, описания различных этапов научного знания (допарадигмального, т.е. периода, когда не существует теория, признанная научным сообществом, и парадигмального), для анализа научных революций. Оно применяется также в методологическом анализе различных научных дисциплин (психологии, социологии, химии, языкознания и др.)» [3, с. 643].

Таким образом, можно констатировать, что впервые понятие парадигмы было систематически раскрыто и применено в контексте его приложения к человеческой деятельности, правда, при этом только к ее одному и особому типу, а именно к профессионально организованной и культурно оформленной научно-исследовательской деятельности ученых.

В научной деятельности, как равным образом и в любой иной, формообразующее и идеальное, то есть культурное содержание и начало, представляют ее нормы. Именно они задают те рамки и критерии, которые обеспечивают нормальное устойчивое функционирование, трансляцию и воспроизводство данной деятельности ее участниками, гарантированное получение тех или иных, считающихся приемлемыми, результатов за счет соблюдения обязательных требований к ее продуктам, исходным преобразуемым материалам, средствам и способам осуществляемых действий. Нормы эти включают и требования к самим исполнителям, к их профессионально значимым знаниям и умениям, подготовке и способностям, мотивации на соблюдение и сохранение определенных правил и даже к ценностным ориентациям, более глубоко лежащим и далеко не всегда осознаваемым, и другим личностным качествам, без наличия и соблюдения которых какая-либо успешная деятельность становится либо трудно осуществимой, либо вообще невозможной. Реальные воплощения норм деятельности, в каком бы виде последние ни были представлены, всегда будут отличаться от их идеальных образов в силу несоответствия в той или иной степени реальных ресурсов, вовлекаемых в деятельность, нормативным требованиям к ним. В этом и заключается особое значение понятия парадигмы как нормативно полного и идеального представления о деятельности в его отличии и противоположности от реальных, в каких-то отношениях всегда ограниченных и несовершенных воплощений норм в практике. Здесь выражается тот общий философско-онтологический смысл категории парадигмы как идеального образца и прообраза реальных вещей, о котором говорилось выше. Здесь же обнаруживаются и общие культурофилософское и культурологическое значение и смысл содержания понятия парадигмы в его применении к человеческой деятельности.

Будучи идеальными мысленными представлениями о деятельности, ее нормы могут оформляться в соответствующих «текстах», кодирующих и опредмечивающих в себе соответствующее культурное по своему статусу содержание, поскольку затем требуется его трансляция и раскодирование, распределение новыми участниками деятельности как неперемещаемое условие их вхождения в ее пространство. Рассматривая этот процесс и механизм трансляции с позиций системно-деятельностного подхода, можно сказать, что одним из возможных генетически первичных, особых «текстов» нормативного типа, наиболее распространенных в различных сферах массовой и повседневной деятельности, является демонстрируемый «живой» эталонный образец действий. Именно ему придается статус идеального представителя конкретной реализационной нормы, воплощающей культурный социально значимый опыт действия при решении той или иной типовой профессиональной задачи.

С позиций информационно-семиотического подхода к феномену и сущности культуры этот процесс демонстрации и копирования, воспроизведения образца деятельности предстает как одно из частных проявлений многообразия «знаковых структур, закрепляющих и передающих постоянно обновляемый социальный опыт. Одним из наиболее древних способов кодирования этого опыта является функционирование субъектов поведения, общения и деятельности в качестве семиотических систем, когда их действия и поступки становятся образцами для других. Мастер–учитель, который демонстрирует ученику те или иные приемы работы; индивиды и социальные группы, выступающие объектами подражания для других людей и групп; взрослый человек, поступки которого копирует ребенок, – все они обретают функцию знаковых систем, транслирующих программы поведения, общения и деятельности» [5, с. 63].

Однако далеко не всегда при решении профессиональных задач возможно прямое копирование и действие по образцу, поскольку условия действия могут варьироваться, что нельзя не учитывать. Это заставляет переходить от планирования, организации и управления исполнительскими действиями методом простого подражания конкретному образцу-эталону, к самостоятельному проектированию своих будущих действий с опорой на этот имеющийся образец, но уже как на модель и аналог. Этот социально значимый образец может выступать, таким образом, не только в качестве прямого ориентира для подражания, но в качестве модели или аналога для построения деятельности в схожих условиях при решении типовых стандартных задач. В особенности такое использование образцов в качестве моделей при проектировании исполнительских действий характерно для сложных видов деятельности, в которых не встречаются совершенно одинаковые условия в ситуации решения даже типовых профессиональных задач, но где требуются поэтому новые модификации известных действий в соответствии с изменяющимися условиями. К сложным типам деятельности подобного рода относятся, в частности, функционирующая деятельность педагогов, управленцев и ученых, решающих профессиональные задачи.

Заслуга Т. Куна заключалась, в частности, в том, что он показал, что даже научная деятельность, работа ученых в нормальные периоды функционирования науки ничем в этом отношении не отличается от работы представителей других профессиональных сообществ. Люди в массовой обычной практике действительно опираются, прежде всего, на примерные образцы-эталоны или, в более сложных случаях, на образцы-модели профессионально организованной и осуществляемой ими деятельности.

Поскольку в периоды существования так называемой нормальной науки ученые сообщества, формируемые и обучаемые на основе доступных им конкретных образцов научных исследований, принимаемых в качестве моделей в ходе постановки и решения новых, по выражению Т. Куна, задач-головоломок на основе применения полученной ранее теории к новым реальным фактам, вполне успешно эти задачи решают, постольку они ни в каких других более развитых способах оформления нормативных представлений (к примеру, в формах обобщенных эмпирических описаний, или специально построенных обобщенных алгоритмов и

т.п., а тем более, в их концептуальных и философско-методологических обоснованиях) практически пока и не нуждаются. Главным и единственным вполне осознаваемым элементом парадигмы как единой (и пока не во всех ее элементах осознаваемой) культурной формы, диктующей им способы поведения и деятельности в эти периоды, становятся именно конкретные, признаваемые ими в качестве эталонных, культурно оформленных, образцы постановки и решения научно-исследовательских задач, которые они могут использовать в качестве моделей при проектировании собственных действий [1, с. 249].

Прежде чем возникает методологическое концептуально-теоретическое построение, обосновывающее общие технологические правила конструирования новых целей и способов какой-либо деятельности, норма деятельности может быть представлена и в менее развитой и промежуточной форме обобщенного эмпирического описания, общего алгоритма практических действий, сопровождаемого понятными для пользователей примерами-иллюстрациями. Эти обобщенные нормативные описания и предписания являются уже продуктом методической рефлексии опыта работы, ориентированной на эталонные образцы, их мысленного очищения от случайностей, обобщения и абстрагирования наиболее существенного содержания. Затем, уже в случаях особой необходимости, приходится также заботиться о концептуальном обосновании этой существенности общих методических предписаний и технологий данной деятельности, ее зависимости от понимания природы преобразуемых в ходе деятельности материалов в конечные продукты, а также проверять их на соответствие общим или специальным ценностным ориентирам, принятым в данном профессиональном сообществе. Возникает такая острая необходимость, как показал это Т. Кун применительно к научной деятельности, в периоды возникновения аномалий, связанных с ними научных открытий и в особенности в эпохи кризиса старых и возникновения принципиально новых теорий, которые приводят к революционным изменениям взглядов на мир, самого мировоззрения и мироотношения [Там же, с. 79-180]. В эти периоды у представителей как старых, так и рождающихся новых взглядов проявляется особый интерес к другим основополагающим и глубинным элементам парадигмы, регулирующей их деятельность и представленной теперь уже не в качестве простого эталонного образца правильно организованной и осуществляемой научной деятельности, а, напротив, в виде своеобразной глубинной и по большей части в другие периоды неосознаваемой «дисциплинарной матрицы» [Там же, с. 242-244].

В дополнениях к основному тексту своей книги, посвященной структуре научных революций, Т. Кун следующим образом выводит читателя на понимание того, что он, а впоследствии и другие, стали называть дисциплинарной матрицей. «Выделяя особое сообщество специалистов способом, подобным тем, которые только что обсуждались, было бы полезно спросить: что объединяет его членов? (Тем самым мы выясним относительную полноту их профессиональной коммуникации и относительное единодушие их профессиональных суждений)... С этой целью я предлагаю термин “дисциплинарная матрица”: “дисциплинарная” потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине; “матрица” – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации. Все или большинство предписаний из той группы предписаний, которую я в первоначальном тексте называю парадигмой, частью парадигмы или как имеющую парадигмальный характер, являются компонентами дисциплинарной матрицы. В этом качестве они образуют единое целое и функционируют как единое целое» [Там же, с. 238].

О каких элементах нормативного описания культуры деятельности идет здесь речь? Во-первых, о так называемых формальных знаниях, которые, как справедливо замечает Т. Кун, необходимы для решения задаголоволомки учеными, поскольку позволяют применять готовый математический и логический аппарат. Добавим, что для специалистов, решающих не научные, а практические задачи, подобного рода формулы и правила оперирования готовыми языковыми конструкциями являются инструментами, применимыми в обычных стандартных ситуациях, позволяющими решать задачи, связанные с обработкой числовых данных, оперированием количественными выражениями.

В рамках общего понимания данного элемента дисциплинарной матрицы важно, однако, обратить внимание на другое. Формализованные нормативные знания могут существовать и существуют не только в количественных формулах и синонимичных им текстах. Для решения качественных практических задач столь же необходимы свои формально представленные правила в виде либо конкретных предписаний, либо общих алгоритмических высказываний, вполне понятных тому сообществу, в рамках которого они были сформулированы и приняты в качестве нормативных предписаний и ориентиров в деятельности. Об этих правилах Т. Кун ничего не пишет, но они существуют и в научном обиходе и в культуре оформления любой практической деятельности. Правила эти позволяют рутинизировать обычные стандартные процедуры, действия и операции, что очень облегчает жизнь и деятельность тем, кто их применяет, но могут быть при этом совершенно непонятны тем, кто работает в рамках другой парадигмы. Само происхождение этих правил может быть также совершенно непонятным и тем, кто ими успешно пользуется, главное заключается в том, чтобы они срабатывали в нужный момент и в нужном месте.

В формальных знаниях, правилах их использования элиминированы, таким образом, те содержательные концептуальные моменты, которые объясняют их происхождение, но это не делает их менее значимыми с точки зрения основного функционального назначения – выступать в качестве инструмента решения типовых задач в стандартно заданных условиях. Поскольку эти условия и задачи различаются в разных по своему предмету, целям, средствам и способам системах деятельности, к которым принадлежат соответствующие профессиональные сообщества, постольку и в языках и высказываниях, фиксирующих формализованные правила, не может не отразиться это более или менее существенное различие. То обстоятельство, что представители разных научных школ и направлений пользуются в действительности разными языками,

фиксирующими формальные правила поведения и действий (что зачастую затрудняет возможность адекватно понимать друг друга и нередко приводит к противостоянию), может рассматриваться как проявление их принадлежности к разным дисциплинарным матрицам и парадигмам в научной деятельности.

Но гораздо больший интерес должны представлять следующие уже содержательно насыщенные элементы дисциплинарной матрицы, выделяемые далее Т. Куном. «Это такие составляющие матрицы, которые я называю “метафизическими парадигмами” или “метафизическими частями парадигм”... Хотя сила предписаний научной группы меняется вдоль спектра концептуальных моделей, начиная от эвристических и кончая онтологическими моделями – а отсюда, между прочим, вытекает ряд нетривиальных следствий, – все модели имеют, тем не менее, сходные функции. Помимо всего прочего, они снабжают научную группу предпочтительными и допустимыми аналогиями и метафорами» [Там же, с. 240-241].

Т. Кун останавливается здесь на особом по своему значению содержательном элементе в составе любой дисциплинарной матрицы. Речь идет о тех категориальных основаниях, утверждения всеобщего онтологического и в этом смысле «метафизического», как он говорит, характера, учет и применение которых предопределяет главное сущностное содержание создаваемых, развиваемых и используемых научными сообществами теорий. Для представителей этих научных сообществ эти категории или категориальные пары и сетки могут представлять не только в виде онтологических моделей, то есть в их оторефлексированном и чистом философско-методологическом абстрактном содержании, но и в форме вполне понятных конкретных аналогий и метафор, что позволяет им, таким образом, выполнять ориентирующую эвристическую функцию в повседневной научной деятельности. Поэтому в любом случае речь может идти лишь о разной степени осознания этих предельно общих категориальных оснований определения содержательных направлений и построения научной деятельности, но не об их полном отсутствии в составе дисциплинарной матрицы и парадигмы, принимаемой ученым сообществом.

Не менее абстрактными и трудными для рефлексивного уяснения являются и выделенные Т. Куном в качестве третьего и последнего элемента дисциплинарной матрицы ценности, которыми руководствуются в своей деятельности ученые-исследователи. «Обычно они оказываются принятыми среди различных сообществ более широко, чем символические обобщения или концептуальные модели. И чувство единства в сообществе ученых-естественников возникает во многом именно благодаря общности ценностей. Хотя они функционируют постоянно, их особенная важность обнаруживается тогда, когда члены того или иного научного сообщества должны выявить кризис или позднее выбрать один из несовместимых путей исследования в их области науки» [Там же, с. 241-242]. В дополнениях 1969 года к прежнему основному тексту книги Т. Кун выделил раздел, посвященный системе общих культурных ценностей, принятой в широких научных сообществах в качестве одного из важнейших элементов, позволяющих изменять сами дисциплинарные матрицы и парадигмы в целом. Он признавал: «Я теперь думаю, что недостаток внимания к таким ценностям, как внутренняя и внешняя последовательность в рассмотрении источников кризиса и факторов в выборе теории, представлял собой слабость моего основного текста» [Там же, с. 241]. Некоторые из ценностей, необходимых для развития науки, а не просто для ее функционирования в рамках той или иной принятой конкретным научным сообществом парадигмы, явно выходят, таким образом, за пределы той или иной дисциплинарной матрицы. Более того, они обуславливают и регулируют как взвешенное и адекватное отношение к кризисным явлениям в науке, так и критическое и объективное отношение к существующим и вновь выдвигаемым парадигмам, без чего, как справедливо отмечает Т. Кун, никаких революций в ней никогда бы и не было.

Нам важны в связи с этим те общие философско-методологические выводы, которые можно сделать относительно общей культурной функции и роли ценностных оснований научной деятельности. Прежде всего, представляется совершенно необходимым различать ценности, обеспечивающие нормальное функционирование деятельности, с одной стороны, и ценности ее изменения, развития, смены концептуальных и нормативных оснований, – с другой. Первые консервируют существующую практику, ее форму, конкретные и абстрактные нормы. Вторые, напротив, должны обеспечивать своевременные изменения перед лицом осознаваемых аномалий, затруднений, проблем и кризисов. Без них не будет субъективной готовности к изменениям и самоизменению, необходимых в инновационной деятельности. Не вдаваясь в содержание указанных различных групп ценностей, мы можем констатировать, что при рассмотрении конкретных научных парадигм необходимо выявлять не только их категориальную онтологическую, то есть мировоззренческую основу, но и то мироотношение, отношение к себе и другим людям, к осуществляемой познавательной деятельности, которые представлены соответствующей системой ценностей, составляющей энергетическую мотивационную основу для подлинного принятия той или иной парадигмы и формирования приверженности ей. С другой стороны, очень важным становятся учет и оценка реальных возможностей действительного, а не декларативного принятия научным сообществом или какой-либо значительной его частью новой предлагаемой научной парадигмы и, соответственно, готовности к изменениям в системах общих культурных ценностей, сложившихся у них ранее и доминирующих в данный момент. Ценности, как известно, представляют собой наиболее консервативный элемент, трудно поддающийся корректировке, принципиальным изменениям.

Несмотря на отмеченную важность всех трех перечисленных выше компонентов дисциплинарной матрицы, Кун отводит все же ведущее место в их совокупности четвертому виду элементов, т.е. общепризнанным образцам решения научных проблем и задач. Более того, именно выделение этого типа нормативных предписаний, которыми ученые руководствуются в своей повседневной обычной практике в периоды нормального функционирования и эволюционного развития науки, обусловило выбор им самого термина «парадигма». «Для этого вида элементов, – пишет Т. Кун, – термин “парадигма” был бы полностью уместным как лингвистически, так и автобиографически. Именно этот компонент общепринятых групповых предписаний в первую

очередь привел меня к выбору данного слова. Тем не менее, поскольку этот термин получил свою собственную жизнь, я буду заменять здесь его словом «образцы» [Там же, с. 242].

Признавая, таким образом, более широкое значение, закрепившееся за термином «парадигма» как набора многообразных предписаний для научной группы, включающего такие его компоненты, как формализованные знания, категориальные сетки или онтологии, а также системы ценностей, Т. Кун не просто вводит сюда же образцы конкретного решения научных задач, но придает им особый статус и значение для принятия той или иной парадигмы все большим числом ее новых приверженцев. Уже сам процесс обучения студентов на этих образцах исподволь и незаметно для них самих приводит их к принятию именно той парадигмы, согласно которой они усвоили образцы действий в ходе решения учебных задач, выполнения лабораторных работ и т.д.

Наивность подобного отождествления учебной и собственно научной деятельности в данном случае не должна нас смущать, поскольку гораздо более важным является здесь тезис о необходимости образцов успешной деятельности как средств, ориентирующих будущего или уже сложившегося научного работника в решении типовых задач в условиях нормального процесса функционирования научной деятельности.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. 605 с.
2. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 455-524.
3. Огурцов А. П. Парадигма // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. Лондон - Франкфурт-на-Майне - Париж - Люксембург - М. - Минск: Панпринт, 1998.
4. Соколов Е. Г. Научная повседневность // *Studia culturale*: альманах Кафедры культурологии и Центра изучения культуры Философского ф-та СПбГУ. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2010. Вып. 10. Юбилейный.
5. Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8.

PARADIGMATIC REGULARITIES IN SCIENTIFIC ACTIVITY

Natal'ya Gennad'evna Agapova, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Culturology
Ryazan' State University named after S. A. Esenin
n-agapova@mail.ru

The author reveals the questions related to the cultural specificity of value and normative foundations and regularities in scientific activity, refers to the analysis of the correlation between scientific practice experience and its philosophical-methodological reflexive support, and pays particular attention to the identification of the common philosophical-ontological and culturological content of the category "paradigm" in its application to daily scientific activity.

Key words and phrases: scientific activity; methodological conceptions of science; scientific daily routine; paradigm; regularities and norms of scientific activity; cultural content of scientific activity norms.

УДК 950:300.372:8-94

Исторические науки и археология

В статье представлен цельный образ А. Навои, созданный Бабуром. Автор приходит к выводу, что этот образ более реалистичен и объективен, по сравнению с теми, что имеются в современных публикациях, родственных по тематике. А. Навои представлен не только как поэт, но и как многогранная и незаурядная личность своего времени со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Автор прослеживает также отношение Бабура к А. Навои и даёт оценку его творчества.

Ключевые слова и фразы: личность; духовное наследие А. Навои; многогранная личность; отношение Бабура к А. Навои; оценка творчества Навои.

Асилбек Алиевич Алиев, к. филос. н., доцент
Кафедра религиоведения и гуманитарных предметов
Ошский государственный университет, Киргизия
asilbekaliev@rambler.ru

ОБРАЗ АЛИШЕРА НАВОИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ БАБУРА (ПО МАТЕРИАЛАМ «БАБУР-НАМЕ»)[©]

Государственный деятель, ученый, полководец и поэт Захир ад-дин Мухаммед Бабур (1483–1530 гг.) подробно характеризует А. Навои (1441-1501 гг.), прежде всего, как человека, незаурядную личность. Он подчеркивает, что А. Навои был «человеком бесподобным», т.е. незаурядным, не таким, как многие другие.